

Посвящается Герону

Когда я начинал писать эту книгу, ты был таким крохой, что тебя едва ли удалось бы разглядеть. К тому времени, когда я закончил, ты стал человечисцем. Хотя я люблю тебя всем сердцем, я не смогу сравниться с тобой по любви к жукам, решеткам ливневки, трепету листьев, ленивцам, буквам, бабочкам, мерцающим огонькам, купаниям, червякам, цифрам и — особенно и неизменно — к грязи. Сохраняй до конца своих дней эту любовь к жизни.

THE GHOST LAB

**HOW BIGFOOT HUNTERS, MEDIUMS, AND ALIEN ENTHUSIASTS
ARE WRECKING SCIENCE**

Matthew Hongoltz-Hetling

PUBLICAFFAIRS

New York

Мэтью Хонгольц-Хетлинг

Охотники за привидениями

**Почему люди хотят верить
в паранормальное**

Перевод с английского

УДК 133
ББК 20.3
Х77

Переводчик МАРИЯ ЕЛИФЁРОВА
Редактор ВАЛЕНТИН РУТВЕН

Хонгольц-Хетлинг М.

Х77 Охотники за привидениями: Почему люди хотят верить в паранормальное / Мэтью Хонгольц-Хетлинг ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2026. — 424 с.

ISBN 978-5-00223-616-9

В эпоху, когда доверие к традиционным институтам — правительству, церкви, науке — стремительно падает, людям приходится искать ответы на вечные вопросы где-то еще.

Американский журналист Мэтью Хонгольц-Хетлинг анализирует эти перемены на примере тихого провинциального штата Нью-Гэмпшир — и обращается к сфере, которую мало кто принимает всерьез.

В центре повествования — небольшая группа чудаков, занимающихся исследованиями паранормальных явлений. Они ищут Стойкий Фантом — неоспоримое доказательство реальности сверхъестественных явлений, которое перевернет представления всего человечества об окружающем мире. Но за этой трогательной и забавной историей про спиритические сеансы, эксперименты с гипнозом, низовую гражданскую активность и немного комичные личные конфликты стоит куда более серьезный вопрос: что произойдет с обществом, когда личный опыт окончательно возобладает над доказательным знанием? К чему приведет эта охота за привидениями?

УДК 133
ББК 20.3

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-616-9 (рус.)
ISBN 9781541703971 (англ.)

© Matthew Hongoltz-Hetling, 2025
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие. Стойкий Фантом</i>	7
<i>Пролог</i>	17
<i>Один. Эра духов</i>	23
<i>Два. Лучше вообще не снимайте с меня наручники!</i>	32
<i>Три. Смерть богомола</i>	38
<i>Четыре. Колледжи — не катапульты</i>	49
<i>Пять. Кости и сахар</i>	55
<i>Шесть. Пространство между жизнями</i>	65
<i>Семь. Мощные космические флюиды</i>	73
<i>Восемь. Убедительнее</i>	83
<i>Девять. Дисфункциональная пара</i>	91
<i>Десять. Что такое душа?</i>	100
<i>Одиннадцать. Спиритическое поветрие</i>	112
<i>Двенадцать. В броне на роликовых коньках</i>	124
<i>Тринадцать. Перекур. Перекур</i>	137
<i>Четырнадцать. Шепот у нее в ухе</i>	150
<i>Пятнадцать. Наши эфирные тела</i>	161
<i>Шестнадцать. Это развеивает ваши сомнения</i>	171
<i>Семнадцать. Наглость какая!</i>	184
<i>Восемнадцать. Журавль, лемур, оцелот</i>	196
<i>Девятнадцать. Доска Уиджа</i>	212
<i>Двадцать. Ты ведь в курсе, что Лекс Лютор проигрывает?</i>	219
<i>Двадцать один. Об этом я и правда сожалею</i>	232

<i>Двадцать два. Непреодолимая сила</i>	246
<i>Двадцать три. Эти врачи не были людьми</i>	258
<i>Двадцать четыре. Свет мой, зеркальце, скажи</i>	268
<i>Двадцать пять. Ставка на хаос</i>	278
<i>Двадцать шесть. Ты долбаный придурок!</i>	288
<i>Двадцать семь. Она просто стала поступать по-своему</i>	304
<i>Двадцать восемь. Для моего абсолютного блага</i>	317
<i>Двадцать девять. Это не интуиция</i>	327
<i>Тридцать. Рассмотрим джинна</i>	336
<i>Тридцать один. Юмор и частый секс!</i>	346
<i>Тридцать два. Неожиданная кончина Майкла</i>	359
<i>Тридцать три. Почти наверняка абсолютное заблуждение</i>	366
<i>Эпилог</i>	377
<i>Благодарности</i>	387
<i>Об авторе</i>	389
<i>Библиография</i>	390
<i>Предметно-именной указатель</i>	406

ПРЕДИСЛОВИЕ

СТОЙКИЙ ФАНТОМ

Его низкие интонации отзываются глубиной прошлого; более пронзительные ноты выражают осознание бесконечности и задают тысячу вопросов духам, готовым раскрыть наши судьбы, — вопросов слишком грандиозных, чтобы их можно было облечь в слова. Кто не ощутит власти подобного голоса?

МАРГАРЕТ ФУЛЛЕР.

ЖЕНЩИНА В ДЕВЯТНАДЦАТОМ ВЕКЕ
(WOMAN IN THE NINETEENTH CENTURY)*

Вы верите в привидения?

Я верю. Иногда.

Однажды в детстве в наводящем унынии фабричном городке Новой Англии я проснулся среди ночи и обнаружил возле своей кровати привидение. Оно не попадало в поле моего зрения, но я ощущал его зловещее присутствие между изножьем кровати и низкими окнами, выходившими на гараж. Тонким от страха голосом я стал звать родителей. Никто не откликнулся.

* Здесь и далее, если не обозначено иное, перевод цитат М. Елифёровой. — *Прим. пер.*

Я решил, что нужно просто взглянуть на привидение. Если оно нападет на меня — а это казалось неизбежным, — как еще мне узнать, в какую сторону броситься от него. Но в то мгновение, когда я попытался встретить привидение лицом к лицу, что-то твердое ударило меня по голове. Казалось, мне в висок метнули гарпун. Лев заревел бы, но я был лишь опоссумом. Я оцепенел. Призрак, подумал я, не хочет, чтобы я шевелился.

Так что я лежал в темноте и хныкал. Шли минуты, мой ужас притупился до покорного страдания, а затем до подавленности и тоски. Каким-то образом мне удалось снова заснуть.

При утреннем свете я обнаружил, что шнур моего ночника выскочил из своего обычного места между матрасом и спинкой кровати. Я зацепил его, когда повернулся посмотреть на привидение. Ночник свалился с узкой полки над изголовьем и ударил меня в висок.

За считанные часы я соприкоснулся с двумя мирами. В одном из них привидение швырнуло мне в голову лампу. В другом лампу обрушил прозаический вес моей прозаической башки.

Возможно, вам тоже случалось бывать в обоих мирах.

Америке, безусловно, случалось.

Я неожиданно встретился с привидениями вновь, когда начал изучать происходящий в Америке быстрый упадок доверия к институтам, все больше беспокоивший экспертов и государственных лидеров. Опросы Исследовательского центра Пью показывают, что с 2001 по 2021 г. доверие к правительству упало с 52 до 24%. Такая доля — 24% — представляется еще более шокирующей, если учесть, что около 15% работников трудятся в государственном секторе.

Эта тенденция тревожит и вызывает вопросы. Почему уровень доверия падает? Могут ли вообще государственные институты функционировать в интересах людей, которые им не дове-

ряют? А если эти институты полностью распадутся, каким станет общество?

На последний вопрос у меня по крайней мере есть ответ: таким, как Нью-Гэмпшир.

В ворохе национальной статистики можно найти цифры, показывающие, что штат с девизом «Свобода или смерть» — один из лидеров по части недоверия.

Доверие — «базовая составляющая социального капитала» согласно определению Школы государственной политики имени Карси при Нью-Гэмпширском университете, основанном в 1893 г. для того, чтобы нести просвещение в Гранитном штате*. В рамках этой миссии Школа Карси ежегодно проводит опросы, призванные выявить, кому доверяют люди. Результаты показывают, что Нью-Гэмпшир находится на гребне медленно накатывающей волны недоверия.

В 2001 г., когда большинство американцев доверяло правительству, лишь 30% ньюгэмпширцев высказывали подобные взгляды. А к 2019 г. эта доля упала до незначительных 14%. Иными словами, количество доверяющих правительству сравнялось с количеством тех, кто считал, что правительство контролируется сатанистами-педофилам, — этого мнения, согласно опросу, тоже придерживалось 14%.

Жители Гранитного штата также продемонстрировали, что больше не доверяют своим местным властям. И своей прессе. И даже соседям.

Недоверие ньюгэмпширцев к социальным институтам охватило все слои населения. Мужчины и женщины, люди с учеными степенями и со средним образованием, бумеры и иксеры, верующие и атеисты — все объединились под знаменем подозрительности.

* Нью-Гэмпшир называют Гранитным штатом из-за обширных залежей гранита, который активно добывали в XIX веке. — *Прим. ред.*

Одна из проблем, как отмечает Школа Карси, в том, что подобный уровень недоверия не только затрудняет работу институтов, но и вредит самим людям, которые не готовы на эти институты положиться. Исследования показывают, что люди, не доверяющие государственным организациям, чаще бывают уязвимы и потому реже формируют социальные связи. И действительно, население Нью-Гэмпшира, глядящее сквозь пелену подозрительности, реже всех среди американцев оказывает услуги соседям, заводит новые знакомства и помогает друзьям или дальним родственникам продуктами, жильем и деньгами.

Но, безусловно, кому-то общественность доверяет. Даже те из нас, кто особенно склонен к паранойе, приходят домой и делятся своими самыми сокровенными мыслями — с женой. А если не с ней, то с детьми. А если не с детьми, то со своим биглем, который обязательно грустно кивнет в ответ на изложение теорий о связи глобальных элит с ценами на картошку.

Кто этот бигль для общественности? И когда придет время, что сделает выбранный нами наперсник — кивнет и лизнет нам руку? Или так глубоко вонзят зубы нам в икры, что мы осознаем: мы совершили ужасную ошибку.

Когда я принялся опрашивать жителей Нью-Гэмпшира, мне стало ясно, что на самом деле в их «гранитных» сердцах было доверие. Их доверие распространялось на группу, которая не фигурирует в опросах Школы Карси, да и вообще почти нигде не упоминается: это поклонники паранормальных явлений — то есть те, кто говорит, что верит (отличное слово, олицетворяющее идею доверия) в паранормальное.

Верящие в паранормальные явления предлагали новые ответы на старые вопросы в самых разнообразных областях. Жители Нью-Гэмпшира, слышавшие в своих домах бестелес-

ные голоса и шаги, обращались к охотникам за привидениями, а не к психиатрам и не к полиции. Вопросы о загробной жизни задавали экстрасенсу, а не священнику. Те, кто хотел разбогатеть или получить совет по трудоустройству, пренебрегали помощью специалистов по финансовому планированию и консультантов в сфере карьеры — зато прибегали к манифестациям желаемого будущего. А страдающие от зависимостей, чтобы объяснить провалы в памяти, обращались к специалистам по пришельцам, а не к социальным службам.

Чтобы понять эту тенденцию и ее механизмы, я около двух лет изучал «Исследовательскую инициативу Китта» (Kitt Research Initiative, KRI) — маленькую некоммерческую организацию, специализирующуюся на паранормальных явлениях и расположенную в прибрежном регионе Нью-Гэмпшира.

Представителями KRI, как и тысячами групп по всей Америке, движет мучительное любопытство, толкающее их на поиски криптидов, обитающих в наших лесах и водоемах; пришельцев, бороздящих небеса; духов, нашептывающих нам в уши. Они ищут Стойкий Фантом — ключевое свидетельство, которое сделает миф фактом и одновременно сокрушит традиционные представления.

Время от времени Стойкие Фантомы действительно объявляются.

В 1675 г. голландский торговец тканями Антони ван Левенгук взглянул в собранный им микроскоп и положил конец векам гаданий о причинах болезней, впервые увидев то, что он назвал «зверушками», — бактерий и другие микроорганизмы.

Другой Стойкий Фантом объявился в 1861 г., когда путешественник Поль дю Шайю вошел в священные залы Королевского географического общества в Лондоне, везя за собой чучело гориллы, — и тем самым доказал существование мифического обезьяночеловека.

А еще один Стойкий Фантом нашелся в 1971 г., когда астрономы из Лейденской обсерватории в Нидерландах поймали сигналы от Лебеда X-1 — небесного объекта, уступающего по размеру Оклахоме, но в 21 раз более тяжелого, чем Солнце. Это была первая наблюдаемая черная дыра. Когда-то черные дыры считались лишь ошибками в теоретических моделях астрофизики.

Стойкий Фантом — не рассказ о таинственной промелькнувшей тени или о том, как кто-то слышал голоса духов. Это нечто осязаемое: из него можно сделать чучело и поместить в музей или же его могут пронаблюдать в контролируемых условиях различные независящие друг от друга лица. Это объяснение — или стартовая точка для него.

Так как власти почти не обращают на паранормалистов внимания и относятся к их идеям несерьезно, KRI и тысячи других подобных групп в основном остаются невидимыми, словно духи, которых они изучают. Они могут свободно рыскать по самым темным уголкам Америки в неустанном поиске собственных вариантов Стойкого Фантома.

Их бесконечное путешествие незаметно меняет страну, уводя ее от стандартов централизации и единства, сплоченного наукой и церковью, в сторону пастыша из провинциализма и мифологии. Понять охотников за привидениями и их соотечественников, увлеченных паранормальным, — значит понять ближайшее будущее Америки.

За время путешествий членов KRI в непознанное одни люди умирали, другие перерождались. Они танцевали с пришельцами в небесах и были одержимы злыми духами. Они смеялись и плакали, пытаясь разобраться в ином понимании мира и друг друга.

Возможно, на протяжении этой книги вы не раз зададитесь вопросом, реален ли тот паранормальный опыт, который они

описывают. После сотен часов интервью и наблюдений у меня есть кое-какие соображения. В общем и целом люди, с которыми я общался, не лжецы, не сумасшедшие и (чаще всего) не дураки. Я рассказываю об их опыте добросовестно: если кто-то говорит мне, что он слышал голос или видел призрака, я пишу, что он слышал голос или видел призрака. В конечном итоге меня не так волнует обоснованность их веры в привидения, как влияние этой веры на их жизнь и значение подобных взглядов для общества в целом.

В то же время трудно не впутаться в вопрос об истине, так что я привожу и такую информацию, которую скептик сочтет доказательством туфты. Делайте собственные выводы.

Впервые я встретился с основателем KRI Энди Киттом в 2022 г. на побережье Нью-Гэмпшира. Этот регион с центром в Портсмуте с трех сторон окружен водой — самим Атлантическим океаном, рекой Пискатакуа и обширной естественной гаванью, известной как Большой Залив. Общее впечатление — словно Атлантический океан тянется и обнимает этот клочок земли, воздавая должное сродству, основанному на хаосе и непредсказуемости.

Густо застроенное побережье Нью-Гэмпшира привлекает туристов своим агрессивно перформативным подходом к исторической приморской культуре: ряженные пираты с пластиковыми попугаями на плечах, выкрашенные в яркие цвета дома у воды, ряды магазинчиков на берегу, пляжные мотели, молодежная бейсбольная команда «Пираты Побережья», поделки из ракушек и закусочные на причалах, где лобстеров кладут в суп, в салат, в макароны с сыром, а порой даже в мороженое.

Побережье похоже на туристическую карту, кое-как растянутую на поверхности, из которой торчат ржавые гвозди: тут

и там попадаются приметы разных эпох. Вот огромные фабрики и заводы, медленно разрушающиеся под воздействием соленого воздуха, порт 1970-х гг., дома, построенные в XVII в., военная авиабаза 1930-х, канализационная система из столетних кирпичей, мощенные булыжником улицы и широко раскинувшаяся Портсмутская верфь, построенная в 1800 г., а ныне заброшенная. И эти гвозди уходят в саму землю — в ледниковые отложения гранита, благодаря которым штат получил свое прозвище, в ветер на горных вершинах и плеск океана.

Эти ржавеющие, разрушающиеся постройки напоминают о гигантских монструозных учреждениях, чье время прошло. Мы теперь живем в рабстве у нового набора институций: государства, церкви, сплоченных корпораций, колледжей и больниц. Может быть, их время тоже подходит к концу.

Вот на таком фоне проходили мои первые беседы с Энди Киттом.

Энди откровенен и гордится этим; он считает себя поборником правды и приличий и не боится задеть чьи-то чувства по ходу разговора. Он высмеивает всяческую политкорректность и считает, что желание никого не обижать — тяжелейшая болезнь общества. Его способность втягивать меня в обсуждение вопросов, мне неинтересных, нервировала меня.

Энди легко может обаять своей безграничной уверенностью, своей готовностью к откровенному разговору и тем, что он всегда рад порассуждать на любую тему из целого спектра. А еще Энди легко может вызвать ненависть — своей безграничной уверенностью, своей готовностью к откровенному разговору и тем, что он всегда рад порассуждать на любую тему из целого спектра. К своей способности настраивать людей против себя Энди относится философски.

«Меня ненавидят гораздо чаще, — говорит он, — чем кого-то ненавижу я».

Безусловно, Энди многое о многом знает, и он нередко впечатлял меня. Когда я спросил его о связанном с человеческим зрением проекте, над которым он тогда работал, его ответ был настолько перегружен научным жаргоном, что я почти ничего не понял.

«Есть тонкие линии, а есть жирные линии и куча промежуточных линий, — сказал он. — У каждой линии свой порог. Я должен придумать универсальный способ устанавливать логарифмическую шкалу, основанную на пороге — ожидаемом пороге, — так, чтобы не было двоения в глазах. Нужно десять шагов между отсутствием расхождения и максимальным расхождением. Нужно, чтобы порог был на третьем-четвертом шаге. Лучше на третьем. Я пытаюсь придумать такой математический способ, чтобы не вышло, будто единица равна нулю. Или будто два — это минус один с чем-то. Вот чем я пытаюсь заниматься».

Энди также со знанием дела рассуждал на совершенно разнообразных темах: стратегические военные решения российско-украинского конфликта, значение и происхождение франшизы «Черепашки-ниндзя» или рецепт идеального рождественского печенья с корицей. Он знает столярное дело. Он может перепрограммировать компьютер. Он набрал впечатляющие 1250 баллов по Академическому оценочному тесту*, будучи пьяным. Он гордится членством в обществах для людей с высоким IQ — таких как Mensa и Intertel.

Но в то же время его могут поставить в тупик простейшие задачи.

Однажды, когда мы пришли в китайский ресторан в Эксетере, я наблюдал, как Энди тщетно толкает от себя дверь с табличкой «На себя». После еды официантка принесла нам контейнеры,

* Академический оценочный тест (Scholastic Assessment Test, SAT) — стандартизированный тест для поступления в высшие учебные заведения в США. — *Прим. ред.*

чтобы мы могли забрать с собой то, что не доели, и в немом замешательстве глазела, как он складывает еду на плоскую крышку пенопластовой корбочки.

Хотя Энди со своим серьезным видом, очками и коротко подстриженными темными волосами выглядит довольно внушительно, он невысок. В разговорах со мной Энди часто упоминал рост — как собственный, так и своих знакомых. Энди сообщил мне, что его отец, Питер Китт, когда служил в армии, был ростом 168 см. Но под старость годы согнули его, и в нем осталось каких-то жалких 157 см.

Как опытный журналист, я сообразил, что у меня появилась возможность поговорить на более чувствительную тему. Я знал, что Питер Китт скончался в сентябре 2007-го. Я деликатно поинтересовался у Энди, отчего тот умер.

— Метр шестьдесят восемь, — сказал Энди. — Ниже среднего, но ненамного.

— Ага, — ответил я.

— Обычное отклонение, — сказал Энди.

— Ага, — повторил я, думая о его покойном отце. — Ага, ага.

— Знаете, — сказал Энди, — забавно, что сейчас средний рост мужчин уменьшается. Был метр семьдесят восемь. А сейчас метр семьдесят пять.

Мне стало интересно.

— Правда? — спросил я. — Почему?

— Потому что, похоже, — поведал мне Энди, — женщины, ищущие мужчин ростом метр восемьдесят, не находят их. — Он рассмеялся. — Оказывается, что те, кто ростом метр восемьдесят, вроде как не хотят на них жениться.

Я поразмыслил над этим. Что, если высокие люди и в самом деле размножаются медленнее невысоких?

— Что... — хотел было я спросить. И осадил себя. — Э-э-э... Отчего... отчего, э-э-э... отчего умер ваш отец?

Пролог

Быть или не...

Уильям Шекспир. Гамлет

Близилась полночь пятницы, и Питер Китт знал, что скоро умрет. Суровый, молчаливый призрак смерти преследовал его уже несколько недель, с того самого момента, как его положили в муниципальную больницу общего профиля в Сиракьюсе. У него был запущенный мелкоклеточный рак легких — печально известная своей скоротечностью смертельная болезнь, связанная с курением.

Питер то терял ясность сознания, то приходил в себя. В беспмятстве ему виделись места и люди из его прошлого. Он видел свою мать, американку с украинскими корнями, первый муж которой скончался от испанского гриппа.

Он рассказал о видении своей жене Бетти. Было ли оно просто плодом воображения, или ему явился дух с посланием из иного мира?

О передаче посланий Питер кое-что знал. Он был председателем кружка радиолюбителей в Сиракьюсе. Задолго до того, в годы Второй мировой войны, он служил штаб-сержантом в войсках связи, передавал информацию на поле боя и оттуда. Послания преодолевали как будто бы невозможные расстояния с помощью новейших технологий: громоздких коротковолновых радиоприемников первого поколения, многоканаль-

ных релейных установок, раций, импульсных систем радиолокации и портативных радиопередатчиков, которые использовала пехота. Питер и его современники месяцами корпели над этими странными электронными системами, которые извлекали звук из воздуха, передавали его, невидимый и неслышимый, на огромные расстояния, а затем преобразовывали в нечто приближенное к тому, чем он был изначально.

Может, что-то подобное представляли собой духи? Может, они — сообщения из иного мира?

Едва ли Питер так считал. Собственную точку зрения он изложил своему взрослому сыну Энди, когда тот навестил его под Рождество.

«Умер значит умер, — сказал Питер. — Жизнь — как выключатель. Выключили — и ее нет». Это была суровая истина, но отец Энди был мастером по части суровых истин, сообщая их низким хриплым голосом, напоминающим голос Чарльза Бронсона.

Теперь, в 83 года, похоже, настало его время выключиться. Изножье кровати было приподнято, и Питер видел, что в ступнях у него скопилась жидкость. Они раздулись, словно старые резиновые шины.

Шины.

Он владел автомастерской «Сервис Питера Китта» в Камилле, маленьком городке под самыми Сиракьюсом, на севере штата Нью-Йорк. Местные жители распознавали его эвакуаторы по характерному пурпурному цвету. Питер заказал темно-синюю краску, но фирма что-то напутала и добавила слишком много красного. Получившийся розово-фиолетовый оттенок не вязался с его консервативными взглядами.

Но пошел бизнесу на пользу.

Возможно, Питер смог бы как-нибудь победить смерть. С годами его сердце сильно изнашивалось. Ему два раза делали шунтирование и установили кардиостимулятор. Однажды

в 2001 г. Бетти вошла в гостиную и обнаружила его в кресле. Его сердце не билось. Когда она набрала 911, ее перенаправили к ближайшему врачу скорой помощи, жившему в соседнем квартале. Врач ринулся к дому Киттов в пижаме, пока Бетти говорила по телефону с диспетчером. Тот спросил, знает ли она, как оказывать первую помощь.

Она не знала.

Диспетчер сказал, что трудно сделать искусственное дыхание сидящему в кресле. «По мере возможности положите его на спину», — посоветовал диспетчер.

Бетти схватила его за ноги и дернула. Когда тело Питера стукнулось о пол, его сердце забилося вновь — за несколько мгновений до того, как вбежал запыхавшийся фельдшер.

Перепугавшись, Энди и другие дети Питера стали гораздо более чуткими к его потребностям и мыслям, что порой того обременяло: он предпочитал стоическую позицию молчаливого наблюдателя. Отпрыски выпытывали у него подробности. Что они должны сделать, когда он умрет? Чего он хотел бы?

Он сказал, что хочет умереть в одиночестве.

Теперь на это надеяться не приходилось. Энди и другие дети постоянно навещали его в больничной палате. Даже ночью за его состоянием следил больничный персонал, а Бетти почти все время находилась у его постели.

Во время очередного предсмертного видения Питер настаивал, что кто-то строит в палате мост. «Помогите строить», — приказывал он пришедшим родственникам. Они попытались угодить ему, изобразив, как берут кирпичи и выкладывают из них воображаемый путь — куда? Питер не сказал.

«Нет, нет! — заорал он на одного из сыновей. Тот застыл, рука с невидимым кирпичом зависла в воздухе. — Тебе следует сидеть *здесь!* Займись буровой установкой!»

Энди был пятым из шести детей. Питер смотрел, как он растет, со смесью восхищения и раздражения. Энди был маленьким и толстым. Он был очень умен, но испытывал такие трудности в общении, что, стоя перед зеркалом, репетировал приветствия, чтобы они не выглядели отрепетированными. «Здравствуйте! — часами повторял Энди. — Здравствуйте, здравствуйте!»

Энди во всем равнялся на своего отца. Когда Питер разрешил детям присоединиться к своему увлечению филателией, Энди ухватился за эту возможность. Каждый воскресный вечер Питер по часу разглядывал свои альбомы с марками, сидя в качалке в гостиной. Энди лежал на животе на полу, перелистывая собственный альбом и пачку ежегодных каталогов, по которым определял марки. Даже в ту пору они редко разговаривали между собой. Но для Энди эти часы с отцом были бесценны.

Из всех детей Энди особенно старался найти себе место в тени отца. Его бросало в крайности: прилежание сменялось откровенным нарушением правил. Энди работал в отцовской автомастерской и окончил десятый класс практически на круглые пятерки. Но затем, чтобы не соответствовать стереотипному образу отличника с музыкальными способностями, он бросил играть на скрипке в школьном оркестре и в 14 лет начал курить. В выпускном классе Энди вошел в фазу панк-рока и стал прогуливать учебу. В тот год он по пути на вечеринку заснул за рулем своего Chevrolet Caprice, в результате чего пострадали и он сам, и двое его друзей.

Энди доучился до колледжа. Досрочно окончив семестр, он явился домой с засосом на шее. Засос был размером с долларовую монету, и Энди безуспешно пытался спрятать его под воротником водолазки. Бетти не понравилось, что она именно так узнала о девушке Энди. «Что, это твое доказательство мужественности?» — спросила она насмешливо.

Пролог

За пять минут до полуночи тишину больницы нарушила пожарная тревога. Бетти выскочила на тротуар вместе с ночными дежурными и посетителями. Через семь минут они вернулись.

Питер Китт умер в одиночестве, как и хотел.

Он прожил долгую и плодотворную жизнь. И если это ничего не значит, то что вообще имеет значение?

Один

ЭРА ДУХОВ

*Река Коннектикут у нас полна
форелевых садков вблизи Канады,
а после отделяет штат Вермонт.
О эти восхитительные штаты!
Там городки комически малы:
Лост Нейшен, Банджи, Мадди Бу и Поплин,
Стил Корнерс. (Он так назван потому,
что в нем за каждым перекрестком чаща, —
он малолюдень, потому и тих.)*

РОБЕРТ ФРОСТ. Нью-Гэмпшир*

Со смертью Питера Китта его история не закончилась.

Через сутки или двое после его кончины мобильник Бетти исчез с ее ночного столика, пока она спала. Она попросила Энди (который остановился в родительском доме) и других взрослых детей помочь с поисками. Когда они набрали номер, то обнаружили, что телефон лежит на траурном портрете Питера.

* Пер. В. Кормана. — *Прим. пер.*

Это было первое из сотен происшествий, случившихся за следующие несколько недель. Хотя их семья предприняла обычные сезонные меры по утеплению дома, после того как осень 2007-го уступила место зиме, они обнаруживали, что двери и окна открыты и помещения промерзают. На часах Питера чуть ли не каждую ночь между двумя и четырьмя часами срабатывал будильник, даже когда его отключили. Бытовая техника ломалась. Стационарный телефон не работал. Наладчик, явившийся его ремонтировать, сказал, что линии, ведущие в дом и в кабинет Питера, перепутаны — хотя никто их не трогал. Через несколько дней после того, как он исправил поломку, телефон опять замолчал. Второй наладчик снова сообщил, что линии перепутаны. В другой раз они обнаружили, что мобильник Бетти каким-то образом поменялся местами с мобильником Питера, который лежал в шкафу, в коробке с его личными вещами.

Это был практически непрерывный поток мелких загадок. Каждую из них можно объяснить простым совпадением, думал Энди, но все вместе? Ему к тому времени уже почти стукнуло 50. Он никогда особенно не интересовался паранормальными явлениями, но теперь задумался: что, если в доме находится дух его отца и пытается пообщаться с родней?

Энди хотел того, чего хотят многие скорбящие: связаться с тем, кого любил и кто навсегда покинул его. Но можно ли было наладить контакт с духом его отца? Или все события в доме матери объяснялись совпадениями и стремлением выдать желаемое за действительное?

Вернувшись в свой дом на побережье Нью-Гэмпшира, Энди принялся читать все, что мог раздобыть по теме сверхъестественного. Он глотал сухие и формализованные научные исследования, захватывающие, но неправдоподобные истории от тех, кто заверял, будто общался с покойными, и все, что было между этими крайностями. Одни утверждали, что сверхъестественные

события — дело рук привидений, другие видели в происходящем признаки присутствия демонов, третьи — нечеловеческих существ и даже инопланетян. Он читал теории, согласно которым явления призраков — это лишенные способности мыслить отголоски прошлого, и такие теории, в которых привидения — разумные существа из будущего, из параллельных вселенных или из пространства безвременья, позволяющего им воспринимать одновременно прошлое, настоящее и будущее Земли.

Решившись на то, что он позднее назовет своим первым экспериментом, Энди наговорил на карманный диктофон обращение к отцу. Он описывал собственную теорию, каким должно быть посмертие: в его версии фигурировали души, различное восприятие времени и нечто вроде чистилища.

Не выключая диктофона, Энди задал вопрос: «Я прав?»

Когда он проиграл запись в обратном направлении, то четко услышал прекрасно знакомый голос, похожий на голос Бронсона. Прозвучало одно-единственное слово.

«Да».

Но этого было достаточно.

«Он ответил “да”, совершенно отчетливо, — рассказывал Энди. — Там не было сомнения. Не что-то типа “ну, может быть”. Это было “да”».

После школы Энди кочевал из одной фирмы в другую, но так и не остановился на какой-то одной профессии, не нашел обычной для большинства американцев стабильности. Отслужив в армии на Аляске, он привез туда жену и дочь и нашел себе полевою работу: проводил перепись населения. Попутно он разрабатывал золотоносный участок, который едва окупался. В 2000 г. он развелся и переехал в Нью-Гэмпшир, в дом женщины, с которой у него был роман на расстоянии. И потерпел неудачу.

«В первую ночь мы легли вместе, — рассказывал он позже. — На третью ночь мне пришлось объяснять ее мужу-дальнобойщику, кто я такой».

Энди продолжал собирать марки, и его коллекция, к его неувыдающей гордости, значительно превзошла отцовскую. В 1990-е он открыл магазин комиксов, а затем закрыл его — в поразительно неудачный момент, как раз перед тем, как благодаря интернету и киновселенной Marvel прибыльность комиксов взлетела до небес. Он перебивался случайными заработками и стал обращаться в агентство временной занятости. Если ему перепадала офисная работа, он справлялся, хотя печатал одним пальцем. Если требовался физический труд, он по мере возможности старался успеть за теми, кто был крупнее и сильнее его.

Ум и многочисленные умения поддерживали его на плаву — он купил швейную машинку, чтобы шить трехдолларовые брюки для Армии спасения, часто покупал на аукционе разбитые машины — и благодаря навыкам механика их восстанавливал. Но когда умер отец, Энди было уже под 50, он учился в Нью-Гэмпширском университете и был измотан постоянной борьбой с нищетой. Он жил в бывшем индюшатнике, который снимал на берегу Великого залива. На оплату этого крова он зарабатывал тем, что продавал каяки, запрашивал студенческие ссуды, а на ярмарках ставил палатку, в которой продавал писанки — яйца, хитроумно разрисованные с помощью воска и красок в традиции его украинских предков.

В конце 2007 г., после того как Энди услышал потусторонний голос своего отца, он предпринял собственный поиск Стойкого Фантома — поиск, который доказал бы, что пережитый им опыт общения с отцом реален.

Используя онлайн-платформу Meetup, Энди объявил о первом собрании Исследовательской группы Побережья по пара-

нормальным явлениям (Seacoast Paranormal Research Group — SPRG). Он забронировал столик в баре «Центральная волна» в Дувре и сел ждать, кто объявится. Пришло двое. На следующее заседание в ноябре пришел один человек.

В декабре Энди объявил по Meetup, что вынужден отменить заседание. Это была неправда. На самом деле просто никто не пришел. Он поел в одиночестве и пошел домой, неуверенный в том, существовала ли группа SPRG на самом деле или была лишь плодом его воображения.

То, что группу так и не удалось собрать, было неожиданностью, потому что в 2007 г. вера в привидения набирала популярность. По данным опросов, 32% американцев верили в духов — втрое больше, чем в конце 1970-х. И люди не просто верили. На миллионы возросло количество американцев, сообщавших о личном опыте общения с духами. Десятки тысяч внезапно вспомнили методы исследования паранормальных явлений и в крайнем ажиотаже принялись бродить по старым зданиям с диктофонами.

Духи, должно быть, заметили, что творится неладное. Десятилетиями они пребывали в относительном покое бестелесности, а теперь маленькая армия живых облазила каждый затянутый паутиной уголок каждой развалюхи, используя технические приспособления вкупе с экстрасенсорными способностями и пытаюсь установить связь с потусторонним миром.

То, что мертвым должно было показаться беспрецедентной эрой вторжения живых, людям казалось эрой духов. И что интересно, не только духов. Участились сообщения о других странных вещах: летающих тарелках и управляющих ими инопланетянах, снежном человеке и других чудесах криптозоологии, колдовстве, сверхъестественных сущностях, которые никогда

и не были людьми, духах-хранителях, демонах, ангелах и доказательствах существования затонувшего города Атлантиды.

В январе 2008 г., к удивлению Энди, на собрание его группы явилась толпа незнакомцев. Пришло 13 человек, почти всех он видел впервые. С плохо скрываемым воодушевлением Энди пригласил их сесть вокруг стола и представиться.

К тому времени, когда представилась половина гостей, воодушевление Энди уже начало уступать место презрению к его собратьям по поискам истины — впоследствии он назвал их, в своей характерной резкой манере, «пустоголовыми олухами».

«Половина из них была из разряда в край поехавших», — рассказывал Энди. Каждый утверждал, что входил в контакт с покойниками, и заявлял о таком уровне мастерства и самоконтроля, в который Энди поверить никак не мог. С каждым новым представившимся его уныние росло, пока очередь не дошла до женщины лет тридцати пяти, с густыми длинными темными волосами и явным пристрастием к цвету хаки. Она была единственной среди присутствующих, кто, похоже, разделял смущение Энди.

Она назвала свое имя — Изабо Эсби. «Я медиум», — пробормотала она, явно дожидаясь, когда всеобщее внимание переключится на кого-то другого и она сможет незаметно выскользнуть за дверь.

У Энди тут же вспыхнул интерес.

Изабо (или Бо) Эсби не любит рассказывать про свою юность. «Такое детство, как у меня, стараешься забыть», — сказала она. Из-за этого стремления она многое не помнит — забыла. Особенно то, что касается ее собственного общения с духами.

В 22 года она окончила Университет штата Миннесота: основная специализация — математика, дополнительная — химия.

Тогда же, в 1996 г., она вышла замуж за Троя Эсби и переехала в Нью-Гэмпшир, где ей пришлось одновременно заниматься воспитанием двоих детей, а заодно и кокер-спаниеля по кличке Эппл, и то одним, то другим семейным бизнесом. У нее была своя бухгалтерская фирма. Они с Троем основали компанию по укладке напольных покрытий, в которой он выполнял физическую работу, а она — большую часть административной. В 2004 г. она открыла «Стратемский фитнес-центр и холистические спа-процедуры», где предлагалось все, начиная от консультаций диетолога и заканчивая ароматерапией. Она была типичной прихиппованной мамашей, но в целом ничем не выделялась. Она любила йогу, кино и чай.

Но в 2005 г., когда Бо был 31 год, она как-то вошла в свою гостиную и увидела любимую бабушку, которая жила в сотнях километров и никак не могла очутиться в ее доме. Тем более что умерла несколько часов назад, как потом узнала Бо.

Дух бабушки появлялся снова, и неоднократно. Она разговаривала с Бо так ясно и содержательно, словно была все еще жива. Она сказала, что Бо предстоит сыграть определенную роль в мире духов, и познакомила ее с Ходячим Лосем — грозным индейским духом-наставником. Они сказали Бо, что ее жизненный путь — стать полой костью, инструментом, с помощью которого духи смогут передавать послания для живых.

Ей стали являться другие духи. Они застряли в лимбе, не в силах до конца порвать со своим земным существованием. По возможности она помогала им.

Духи обычно являлись на периферии ее зрения, мерцая, как марево. Бо сравнивала их с тарелкой клубники, покрытой эфирным желе.

«Если перестать смотреть на клубнику и как бы расслабить зрение, можно увидеть желе», — говорила она.

Когда я познакомился с Бо, меня сразу же привлекли ее живой юмор и дурашливость. В ней была какая-то непринужден-

ная мудрость, и она умела незаметно снять напряжение в любой ситуации. Например, делясь воспоминанием, она не говорила: «Он в панике заорал. От этого мороз пошел по коже».

Нет, она рассказывала так: «Божечки, слышали бы вы, как он заорал, словно в панике, прямо мороз шел по коже».

Кто орал в панике так, что у Бо шел мороз по коже? К этому мы еще вернемся.

Когда она стала призывать духов за деньги у себя в гостиной, люди тоже к ней потянулись. В основном благодаря сарафанному радио чуть ли не за одну ночь Бо снискала такой коммерческий успех, который редко выпадает на долю медиумов. На ее сеансы записывались за несколько месяцев.

Но нашествие платежеспособных клиентов только беспокоило ее. Они хотели ответов на свои вопросы, но наставники Бо говорили, что ее истинная цель — помогать духам. Зачастую духи пытались передать информацию, которую живые не хотели услышать.

Бо мечтала об ином. Она хотела играть на стороне духов. Ей пришло в голову, что она сможет обрести то, что искала, в какой-нибудь из групп охотников за привидениями, объявившихся в Нью-Гэмпшире.

«Я не хотела охотиться за привидениями, — объяснила Бо. — Я хотела быть там, где я могу вступать в контакт подальше от клиентов, которые ищут поддержку и помощь за деньги».

Одна местная группа привела ее в дом якобы с привидениями, но Бо была разочарована, увидев, что эти люди действуют сумбурно и напоказ: они кричали, что испытывают странные ощущения, и сбегались на малейший скрип половицы. А еще они «замутняли канал», то есть загрязняли восприятие Бо своими ожиданиями.

«Вы слышите плач ребенка?» — спрашивали они.

Прекратите, думала она. Вы только мешаете.